

А. Д. Захаренков – выдающийся руководитель ядерного оружейного комплекса

Н. П. ВОЛОШИН

В короткую заметку трудно втиснуть такую глыбу, как Александр Дмитриевич Захаренков. И дело не в том, что он Герой Социалистического Труда, заместитель министра, доктор технических наук, а в том, что это был большой и добросовестный труженик, какие бы посты он ни занимал.

Б. В. Литвинов

Александр Дмитриевич Захаренков родился в г. Смоленске в семье рабочих 18 февраля 1921 г.

Так случилось, что к поступлению Саши в среднюю школу семья Захаренковых переехала в Москву. Здесь в школе № 424 он учился с 1928 по 1938 г. и сразу же по ее окончании поступил в Московский институт химического машиностроения. Его студенческие годы завершились в 1942 г. получением диплома инженера-механика. По действовавшему в те годы порядку он был направлен на работу в НИИ-6 Наркомата боеприпасов и проработал в этом научно-исследовательском институте 4 года сначала инженером, затем младшим научным сотрудником и научным сотрудником.

В эти годы Александр Дмитриевич и Надежда Федоровна создали семью и в 1943 г. у них родился первый сын Владимир; его младший брат Юрий родился в 1948 г., когда семья Захаренковых уже жила в Сарове.

Интересно отметить, что с 1941 г. Наркомат боеприпасов возглавлял Б. Л. Ванников, назначенный в августе 1945 г. начальником Первого главного управления при Государственном Комитете Обороны. Молодой специалист Александр Захаренков, пришедший на работу в НИИ-6, конечно, и представить себе не мог, что в недалеком будущем его судьба будет тесно сопряжена с деятельностью первого руководителя отечественного ядерного оружейного комплекса Бориса Львовича Ванникова. В НИИ-6 А. Д. Захаренков участвовал в разработке и исследованиях свойств взрывчатых веществ и проверке характеристик новых боеприпасов, поступавших на вооружение Красной армии.

В 1946 г. А. Д. Захаренков был переведен в КБ-11 (ныне ВНИИЭФ), став одним из первых его научных сотрудников. Об этом эпизоде трудовой биографии Александра Дмитриевича

ярко сказано Борисом Васильевичем Литвиновым: «Одним из первых документов о комплектовании кадрами КБ-11 было письмо директора П. М. Зернова о направлении в его распоряжение восьми сотрудников из НИИ-6... Заканчивалось это письмо просьбой: "Тов. Захаренкова необходимо направить в наше распоряжение немедленно, остальных – в сроки, которые будут указаны дополнительно". Отсюда можно отсчитывать годы жизни и работы Александра Дмитриевича Захаренкова в системе нашей отрасли».

В КБ-11 А. Д. Захаренков в 1946–1949 гг. занимался газодинамической отработкой макетов будущего изделия РДС-1, а именно – исследованиями на внутреннем полигоне в опытах с ВВ симметрии схождения ударных волн к сферическому ядру. Для проведения измерений в этих опытах требовалась особо высокоскоростная регистрирующая аппаратура. Александр Дмитриевич вместе с Александром Семеновичем Дубовиком были авторами технического задания и оптической системы зеркального фотохронографа, который в 1947 г. разрабатывался в Институте химической физики АН СССР. Этот прибор (СФР) с последовавшими усовершенствованиями еще долгие годы продолжал использоваться в газодинамических экспериментах обоих ядерных центров (ВНИИЭФ и ВНИИТФ).

В конце 1949 г. после успешного испытания первой атомной бомбы СССР младший научный сотрудник А. Д. Захаренков был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он вместе с такими ведущими разработчиками РДС-1, как В. Ф. Гречишников, В. К. Воблев и А. П. Герасимов был отмечен денежной премией и получил право на обучение своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства и на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР.

Продолжая заниматься газодинамическими исследованиями, Александр Дмитриевич наращивал свой багаж опытного руководителя работоспособного коллектива. По его обоснованным предложениям и настойчивым просьбам возглавляемая им группа была самой первой среди других групп и лабораторий газодинамического

А. П. Федотов, А. К. Чернышев, Ю. А. Трутнев, А. А. Бриш, П. Д. Ишков.
Открытие памятника к 60-летию первого ядерного испытания СССР.
2009 г.

сектора с полностью укомплектованным кадровым составом. Позже он уже возглавлял лабораторию (отдел) этого сектора, которая принимала непосредственное участие в отработке и окончательной доводке новой фокусирующей системы, позволившей уменьшить массу заряда на 1 тонну, а диаметр – на 17 % по сравнению с РДС-1. В 1951 г. прошли успешные испытания изделий РДС-2 и РДС-3, в конструкциях которых были использованы выше названные новшества. И постановлением СМ СССР от 06.12.1951 г. «...за участие в разработке центральной части изделий РДС...» А. Д. Захаренков был удостоен звания лауреата Сталинской премии II степени.

В этот период во ВНИИЭФ продолжалась разработка конструкций малогабаритной ядерной авиабомбы РДС-5 («Татьяна») и первой термоядерной бомбы РДС-6с («слойка Сахарова»). После успешных испытаний этих изделий в 1953 г. вышло постановление СМ СССР, где, в частности, сказано: «...7. За разработку кинематики и динамики обжатия взрывом применительно к изделиям РДС-5 и РДС-6 присудить Сталинскую премию II степени: 1) Захаренкову Александру Дмитриевичу, начальнику лаборатории; 2) Негину Евгению Аркадьевичу, начальнику лаборатории...». В этом же году Александр Дмитриевич был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени. В 1954–1955 гг. А. Д. Захаренков продолжал руководить исследованиями симметрии обжатия газодинамических макетов с обеспечением разработок новых типов атомных зарядов и первого двухстадийного термо-

ядерного заряда РДС-37. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1956 г. он, уже будучи начальником газодинамического сектора НИИ-1011, был награжден орденом Ленина за участие в разработке и успешном испытании этого изделия.

Несколько отвлекаясь от последовательности в хронологии повествования, отметим, что в марте 1954 г. в постановлении СМ СССР была впервые сформулирована задача создания нового НИИ для разработки атомных и водородных бомб. Для подготовки развернутого постановления по этому вопросу при Министерстве среднего машиностроения была образована рабочая группа под руководством К. И. Щёлкина и Д. Е. Васильева, в состав которой были включены Г. П. Ломинский и А. Д. Захаренков.

В результате ее работы были сформулированы предложения МСМ об организации такого научно-исследовательского института на Урале. Через 4 месяца после мартовского постановления 31 июля этого же года на уровне правительства было принято два принципиальных решения: о создании северного испытательного полигона (объекта 700) на архипелаге Новая Земля и об организации второго ядерного центра НИИ-1011 (предприятия № 0215) в Каслинском районе Челябинской области на базе Лаборатории «Б». Начался процесс подбора специалистов для нового института. В его кадровое ядро были включены ученые, исследователи, конструкторы, технологи из числа имевших опыт разработки специзделий, набранный за предыдущие годы работы в КБ-11. В апреле 1955 г. приказом министра среднего машиностроения А. П. Завенягина Александр Дмитриевич был назначен начальником экспериментального газодинамического сектора № 1 НИИ-1011 и, не мешкая, стал уговаривать некоторых сотрудников перейти из КБ-11 на работу в новый институт. Среди положительно откликнувшихся на его предложения оказались Виктор Константинович Орлов, Виктор Иванович Жучихин, Владимир Петрович Ратников, Леонид Павлович Волков, Мария Александровна Гаряева и другие. В итоге 33 инженерно-технических работника и 20 рабочих-лаборантов из сектора 3 КБ-11 были переведены в сектор 4 НИИ-1011, а всего на новый объект (так по сравнению со «старым» КБ-11 стал неофициально именоваться НИИ-1011) в 1955 г.

перешло 350 человек. В 1955 г. в НИИ-1011 планировалось создать два газодинамических сектора; сектор № 2 должен был возглавить К. К. Крупников. Но по факту в институте начал действовать единый сектор № 4 под руководством А. Д. Захаренкова. В 1955 г. А. Д. Захаренков окончил заочную аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В этом же году произошел второй (после перехода из НИИ-6 в КБ-11) поворот в его судьбе.

Следующие 12 лет он работал в НИИ-1011 (ВНИИП). В свою первую «уральскую пятилетку» он был начальником газодинамического сектора (1955–1960), затем главным конструктором по разработке ядерных боеприпасов (1960–1965), и в конце этого периода (1965–1967) – главным конструктором по разработке ядерных зарядов. В первые два года на новом объекте много сил, рабочего и личного времени Александр Дмитриевич отдавал организации работы газодинамического отделения – решению кадровых вопросов, созданию рабочей инфраструктуры, переезду сотрудников сектора из КБ-11 в новый институт. Но наряду с решением этих вопросов он и руководимый им коллектив газодинамиков успешно выполняли планы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ НИИ-1011.

Здесь ярким примером является подготовка и проведение в сентябре 1957 г. физического опыта ФО-3 на Новоземельском полигоне. Целью этого эксперимента было проведение исследований свойств веществ и процессов в экстремальных условиях ядерного взрыва. В секторе 4 были отработаны и подготовлены для работ в экспедиции на полигон методики оптических измерений со сверхскоростными длиннофокусными регистраторами, разработаны и изготовлены блоки автоматики подрыва с радиорелейными линиями управления, а также снаряжательная оснастка. Техническую подготовку эксперимента и основные измерения в этом опыте провела бригада газодинамического сектора, возглавляемая А. Д. Захаренковым и В. К. Орловым; за систему подрыва заряда отвечал В. И. Жучихин. Это был четвертый по счету ядерный взрыв из числа проведенных НИИ-1011 и первый успешный ядерный физический опыт в ряду всех 43 отечественных испытаний различного предназначения периода 1949–1957 гг.

К концу 1957 г. в НИИ-1011, в основном, была создана своя база для газодинамических исследований, и сектор 4 был полностью переведен на Урал. А 1 октября 1958 г. газодинамики

провели свой первый взрывной эксперимент на новом внутреннем полигоне. Эта дата считается днем рождения полигона. В дальнейшем эти работы были поставлены на поток.

В 1960 г. научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011 К. И. Щёлкин переезжает в Москву, в связи с чем происходят структурные изменения в институте: создаются два конструкторских бюро – по разработке ЯЗ и по разработке ЯБП. Второе – боеприпасное направление – возглавил А. Д. Захаренков. Под его руководством были разработаны первые ЯБП для «легких» ракет КБ академика В. Н. Челомея, существенно расширены и укреплены связи НИИ-1011 с КБ академика В. П. Макеева по разработкам ЯБП для военно-морских стратегических комплексов. В 1961 г. была завершена разработка противолодочной бомбы и в этот же год, то есть через 15 лет после прихода в ядерный оружейный комплекс, Александр Дмитриевич был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ему второго ордена Ленина.

В 1962 г. КБ-2 разработало первую ядерную БЧ для одноступенчатой ракеты Р-17 и приступило к разработке более совершенного ЯБП для этой оперативно-тактической ракеты. В 1964 г. НИИ-1011 приступил к разработке ЯБП для стратегических ракет серии УР-100, в которой на начальном этапе А. Д. Захаренков принимал личное участие. Став главным конструктором по разработке ядерных боеприпасов, А. Д. Захаренков особое внимание уделил установлению личных контактов со смежниками – разработчиками носителей ЯБП, серийными предприятиями, управлениями заказчика и институтами МО, полигонами. Постепенно складывалась организационная система выполнения совместных работ с взаимодействием руководителей и специалистов всех уровней – от главных (генеральных) конструкторов до непосредственных исполнителей. Эти традиции продолжили все следующие преемники Александра Дмитриевича на посту главного конструктора КБ-2.

В 1965 г. А. Д. Захаренков защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. В этом же году он был назначен главным конструктором по разработке ядерных зарядов и проработал в этой должности следующие два года. Это были годы напряженной работы института и, конечно, обоих конструкторских бюро. Одна из крупнейших опытно-конструкторских работ была отмечена Ленинской премией 1967 г. в области науки и техники.

Александр Дмитриевич, как один из ведущих участников творческого коллектива, стал лауреатом этой премии.

В этом же году А. Д. Захаренкова назначают заместителем министра среднего машиностроения по ядерному оружейному комплексу – произошел очередной (третий) поворот в его трудовой биографии. Под его, продолжавшимся более 20 лет, руководством ядерный оружейный комплекс достиг уровня, обеспечившего установление и поддержание паритета с США по стратегическим вооружениям. В 1978 г. его награждают орденом Октябрьской Революции.

Не менее важным был вклад А. Д. Захаренкова в достижение неоднократно нарушаемого американской стороной баланса ядерных сил тактического и оперативно-тактического назначения в Европе. По тем временам она была наиболее взрывоопасным районом мира, где по линии непосредственного соприкосновения противостояли две «вооруженные до зубов» группировки войск: НАТО и ОВД (Организация Варшавского договора). Ключевую роль в этой ситуации сыграл ВНИИТФ (тогдашний ВНИИП), разработавший практически весь набор тактических ядерных боеприпасов, не уступающих американским аналогам (завезенным из-за океана в умопомрачительном количестве – 7000 единиц) – снарядам, минам, авиабомбам, боевым частям ракет «малого» радиуса действия.

Кроме исполнения главных обязанностей по перспективному и текущему планированию НИОКР и выполнению производственных заказов Министерства обороны А. Д. Захаренков руководил работами по автоматизации управления научными исследованиями и производством: на подведомственных предприятиях по его инициативе и указаниям широко внедрялись ЭВМ, создавались крупные вычислительные центры в НИИ и КБ. Александр Дмитриевич создал и руководил технологической секцией НТС-2 министерства, специализированным ученым советом по защите диссертаций работниками серийных предприятий. В 1986 г. он участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в мае-июне 1986 г. был членом правительственной комиссии.

В 1988 г. А. Д. Захаренков по состоянию здоровья был освобожден от занимаемой должности и стал персональным пенсионером союзного значения. Но, к большому сожалению, состояние его здоровья не способствовало полноценному отдыху от многолетнего напряженного труда, и 25 марта 1989 г. он скончался.

В Снежинске и на градообразующем предприятии РФЯЦ-ВНИИТФ бережно сохраняют память об Александре Дмитриевиче Захаренкове: он был Почетным гражданином города, депутатом городского совета, одна из улиц города носит его имя, в РФЯЦ-ВНИИТФ учреждена премия имени А. Д. Захаренкова, которая присуждается молодым специалистам за лучшую работу года в области разработки систем управления, приборов автоматики и контроля.

Из воспоминаний

Б. В. Литвинов: «Разбирая бумаги давних лет, я нашел заметку, написанную мною много лет тому назад для стенной газеты "Прогресс" КБ-1 нашего института. Недаром говорят, что стенная газета реагирует на события почти мгновенно. Заметка об Александре Дмитриевиче Захаренкове, посвященная его кончине..., появилась в конце марта. Написанная по горячим следам, она выразила, как мне казалось в то время, нашу горечь и боль от этой утраты...

Для меня знакомство с Захаренковым началось летом 1952 г., то есть с года, с которого началась моя трудовая деятельность. Я знал, что в то время он был начальником отдела исследования симметрии газодинамического сектора в КБ-11 (ВНИИЭФ). Знал я тогда об Александре Дмитриевиче Захаренкове, или Митриче, как фамильярно, но за глаза, называли его уже тогда, со слов моего друга Виктора Константиновича Орлова, попавшего в отдел к Захаренкову на диплом...

В 1955 г. К. И. Щёлкин предложил А. Д. Захаренкову возглавить газодинамический сектор нового института. В числе первых из приглашенных ехать работать на новом месте были В. К. Орлов и В. П. Ратников. Их смело можно причислить к золотому фонду РФЯЦ-ВНИИТФ им. академика Е. И. Забабахина. Думаю, что отчасти к этому приложил свою творческую руку А. Д. Захаренков.

Во времена моей жизни и работы в Сарове, а затем в КБ-1 НИИ-1011, где сначала я был главным конструктором, а потом два года первым заместителем А. Д. Захаренкова, у меня никогда с ним не возникало проблем. Работалось мне под его началом неплохо, но наши отношения при этом не выходили за рамки служебных. Я не увлекался, как он, купанием в озере от снега до снега, сидением в парной в компании верных приверженцев банных процедур; соратники принудили его заниматься массовыми выездами на рыбалку. При этом я

не могу не отдать ему должное в умении сплачивать людей... Он недолго проработал с нами, но сжился и оценил высокие возможности КБ-1 нашего института.

Придя на работу в министерство, Захаренков не стал занудой и верхоглядом, не превратился в чиновника высокого ранга, короче, не изменился в плохую сторону. Между тем, когда он стал заместителем министра среднего машиностроения, у него существенно увеличилось число обязанностей, выросла и его ответственность за обеспеченность выполнения правительственных заданий. Работая с подчиненными ему людьми, он стал более внимательным и мудрым. Вместе с тем он остался требовательным к соблюдению сроков выполнения работ, всегда требовал сокращения этих сроков, словно боялся не успеть сделать заданную работу досрочно. Как-то я сказал ему о том, что эта его требовательность излишня, мы же знаем о сроках окончания работ, и они находятся под постоянным контролем. На это он мне ответил, что всегда есть много непредвиденных обстоятельств, которые могут возникнуть, так как в нашей работе много нового. Это новое может явиться причиной задержек и отсрочек, и тогда потребуется время на устранение последствий потерянного времени. Где его взять? Только выполнение освоенных работ в заданные и даже в сокращенные сроки дает нам резерв времени для решения неожиданных загадок, возникающих при решении таких задач.

Одним из многих дел Александра Дмитриевича, когда он стал заместителем министра, было создание технологической секции № 6 научно-технического совета № 2 МСМ, руководившего разработкой и эксплуатацией ядерного оружия. Не помню, кто высказал предложение об организации такой секции, но это была великолепная идея. Эта секция, руководимая А. Д. Захаренковым, объединила директоров серийных заводов, главных инженеров, главных технологов, главных конструкторов институтов, разрабатывающих изделия. По существу, работа в этой секции была направлена на создание атмосферы доверия и взаимопонимания между людьми, представлявшими разные стороны процесса создания изделий, между людьми, наделенными большими полномочиями и большой ответственностью, между людьми с очень разными характерами и судьбами. Я думаю, что не надо убеждать, сколь это было непросто, но А. Д. Захаренкову удалось добиться этого доверия и взаимопонимания не только, и не столько

принуждением, сколько убеждением и личным примером. Заседания секции проходили на разных предприятиях, посвящались разным компонентам изделий и разным изделиям, различным технологиям, рассматривались и научные, и технические, и организационные вопросы, происходил обмен опытом, устанавливались прямые связи. Серийщики стали теперь лучше понимать разработчиков, а разработчики стали лучше знать возможности производства, его людей, его перспективы. Сколько терпения и мудрости было проявлено Александром Дмитриевичем в этой великой организующей работе. Следствием ее было ускорение внедрения новых разработок в производство, и это в то время, которое теперь модно стало называть застойным.

Когда я узнал о его болезни, мне трудно было в это поверить. Всегда окруженный людьми, всегда находивший дело и при работе, и на отдыхе. Когда болезнь подкралась к нему, он сам не мог поверить. С недоумением он говорил об этом. Он всегда считал себя здоровым. Он и выглядел таким, и врачи обнаружили его недуг поздно.

В нашем последнем разговоре с Александром Дмитриевичем, состоявшемся по телефону за полгода до его смерти, я пытался его ободрить, внушить, что болезни приходят и уходят. Так будет и с ним. Мы коснулись в нашем разговоре темы застойности и застоя. Он с горечью и с болезненным недоумением сказал: "Вот сейчас то и дело слышишь о застое, о времени застоя, о деятелях застоя. Может, кто и стоял, но мы не стояли. Нам есть, что показать в обеспечение мира на Земле"».

Н. З. Трemasов: «Первые контакты мои в НИИ-1011 (ныне РФЯЦ-ВНИИТФ) были с главным конструктором КБ-2 А. Д. Захаренковым...

Он имел большой авторитет среди своих подчиненных. Спортсмен. Хоккеист. Рассказывал мне (это было позже), что два раза играл в команде мастеров "Спартак". В первой же игре ему попали клюшкой по носу – страшная боль, играть в этом матче не смог, но его взяли в Ленинград на следующую игру и опять кто-то задел его по незажившему носу – на этом игра в хоккей в большой команде закончилась. Интересный случай рассказывал Лев Нахгальцев (главный инженер НИИИС). В футбольном матче между командами завода и научных секторов в Сарове Лев, игравший за завод, прыгнул, принимая мяч на голову – пусто, смотрит, а это Захаренков смахнул его рукой с головы Льва

себе под ноги (судья смотрел не туда). Мужик был с хитринкой, и не только в спорте. Страстно любил баню, о чем ходили легенды. Потом Алферов назначил его главным в КБ-1, затем он стал заместителем министра вместо Алфёрова.

Именно в этой должности я был знаком с ним дольше всего. Государственный человек, как все мы, бесконечно преданный нашему делу... Много сил Александр Дмитриевич отдал организации оптимального взаимодействия разработчиков и серийщиков. Однажды у него на совещании по разбору наших дел с пензенским заводом долго говорил о пользе сетевых графиков по освоению в серии новых призов. И когда он закончил, я начал: "А теперь по существу...". Захаренков вспыхнул: "Так что, я полчаса говорил не по существу?!"».

Ю. А. Задворнов: «Впервые я встретился с Александром Дмитриевичем (сотрудники между собой его называли А.Д.) в 1956 г., когда кто-то из моего начальства взял меня, тогда еще молодого специалиста, с собой в газодинамический сектор для согласования размещения блока автоматики в проектируемом изделии. А.Д. располагал к себе неторопливым спокойным разговором и внушительной внешностью. Более тесная совместная работа началась после назначения его главным конструктором института по тематике КБ-2. Мое первоначальное впечатление о нем подтвердилось, открылись и другие его качества: трудолюбие, требовательность, человеческая доброта и забота о подчиненных. Он был хозяином в КБ, учителем, физруком, снабженцем, все его интересовало, всегда к нему можно было обратиться – поможет.

А.Д. говорил, что при разработке конструкции нет мелочей, и заставлял тщательнейшим образом отрабатывать отдельные узлы (в этом ему пригодился опыт газодинамика). Сколько мы проводили различных отстрелов, прочностных и вибрационных испытаний – это непостижимо! Но зато, если испытания прошли успешно, можно было спать спокойно.

Мне вспоминается случай, характеризующий А.Д. как руководителя. На одном из заседаний технологической секции НТС-2 МСМ выступил Колчин (начальник отдела 6-го главка) с претензиями к нам, разработчикам изделий, в том, что при изготовлении продукции производителям часто приходится осваивать новые технологии, приобретать новое оборудование. Он настоятельно советовал ориентироваться на

то оборудование, которое имеется. А.Д. решительно его прервал: "Сказанное Колчиным надо немедленно забыть".

И еще, что очень запомнилось. Кроме основной работы А.Д. увлекался спортом, играл в футбол, хоккей, ввел в КБ обязательную производственную "зарядку" (возник даже такой шуточный термин "захарядка"). Летним утром перед работой многих во главе с ним можно было видеть на стадионе "Комсомолец", зимой – в спортзале школы № 125.

Я думаю, что все, кто работал с А.Д. и честно относился к делу, с благодарностью вспоминают время работы с Александром Дмитриевичем Захаренковым».

В. Д. Потеряев: «Возглавив КБ-2, А. Д. Захаренков не скрывал пробелов в своем производственном опыте. Но и в положении "свадебного генерала" не намеревался пребывать, поэтому с удвоенной энергией взялся за изучение незнакомых ему вопросов и за углубленное познание тех из них, с которыми ему раньше приходилось встречаться лишь вскользь. Он не жалел ни времени, ни здоровья и мог часами расспрашивать специалиста любого ранга по незнакомой для него проблеме. Александр Дмитриевич не допускал подмены знаний амбициями и подчеркиванием своего высокого положения. Ему было свойственно в ярко выраженной форме чувство здравого смысла, которое нередко в условиях неопределенности и дефицита информации играло роль спасательной "нити Ариадны"».

О. И. Чудесников: «Мое знакомство и деловое сотрудничество с А. Д. Захаренковым началось с момента, когда он был назначен главным конструктором НИИ-1011 по разработке ЯВП. Газодинамик по специальности, он знал все о зарядах, а с особенностями проектно-конструкторских работ по созданию ЯВП знаком не был. Поэтому в первые несколько месяцев держался, я бы сказал, осторожно, решительных действий не предпринимал, входил в курс дела.

...Высокий рост, могучее телосложение, крупные руки (он часто держал их на столе, на бумагах), крупные черты лица, пронизательный взгляд, низкий, с небольшой хрипотцой голос, размеренная речь, точные фразы, выразительные интонации – весь облик Александра Дмитриевича выражал уверенность, невозмутимость, уравновешенность. Хвалил он, улыбаясь, выговаривал, хмурия брови, но все это – ровным голосом, не повышая тона.

Месяца через три А.Д. приступил к решительному руководству. Это почувствовалось сразу. Его задания были предельно четкими, сроки исполнения конкретными, а требовательность в части качества исполнения и сроков – очень высокой. Материалы, представляющиеся ему на рассмотрение и утверждение, он прочитывал очень внимательно. И дисциплину ввел строжайшую, обязательную для всех. Все должно было делаться своевременно, точно и добросовестно, чисто и аккуратно. Александр Дмитриевич был требовательным, но и заботливым руководителем, относился к сотрудникам, как родной отец. Приведу пример из моей биографии. Когда я в 1969 г. готовился к защите диссертации, А.Д. – уже в ранге заместителя министра – согласился быть моим оппонентом. Защита шла благополучно, но вдруг мужчина, вошедший в зал вместе с Захаренковым и сидевший рядом с ним (тогда я не знал, что это был новый секретарь горкома КПСС В. Д. Тарасов), спросил: "А что в этой работе нового?". Я от неожиданности опешил, возникла тишина, и в этой тишине прозвучал голос Захаренкова: "А здесь все новое и все важное". После этой реплики никаких вопросов больше не было. Положительное решение ученого совета нашего института было единогласным».

Ф. К. Щёлкин: «Потрясающую, уникальную рабочую атмосферу на Урале создавал Александр Дмитриевич Захаренков – в ту пору главный конструктор института по разработке ядерных боеприпасов.

Попробую рассказать о том, чем отличался Александр Дмитриевич от других руководителей, а мне есть с кем сравнивать: я работал с пятью главными конструкторами. За 15 минут до начала рабочего дня в кабинете Александра Дмитриевича собирались все, кому надо было встретиться в этот день по какому-либо вопросу с Главным. Обычно было около 15 человек – от начальника сектора до инженера. А.Д. подвигал к себе перекидной календарь, брал ручку и каждый, начиная с младшего по должности, коротко докладывал по существу вопроса. Александр Дмитриевич делал короткую отметку в календаре и отвечал: "Иди, работай, я тебя вызову". Человек спокойно работал, уверенный, что звонок секретаря, на ответственной должности которого работала Клавдия Александровна Климакова, последует обязательно. Я не знаю других случаев, когда любой сотрудник мог бы попасть в кабинет главного конструктора и решить во-

прос, не теряя лишней минуты своего рабочего времени.

Главной фигурой в создании изделия Александр Дмитриевич считал конструктора. Всех молодых конструкторов он брал под личную опеку, несмотря на то, что с нами много и плодотворно работали наши непосредственные начальники. У А.Д. для этого была целая система. Александр Дмитриевич периодически при случае задавал молодым конструкторам "стратегические" вопросы, связанные с изделием, и отвечать "не знаю" никому не хотелось. Несколько раз я был свидетелем, как, отправляя в командировку на фирму разработчика носителя опытного специалиста, Александр Дмитриевич говорил: "Возьми с собой такого-то, познакомь со всеми, в следующий раз пошлем его одного". Но самые незабываемые, интересные и крайне полезные для последующей работы конструктора знания и впечатления я получал "из первых рук", присутствуя на совещаниях у Александра Дмитриевича.

Осознанию личной причастности молодежи к общему делу способствовала и возможность для каждого желающего сотрудника КБ-2 ежедневно в шесть часов утра участвовать вместе с руководством, включая Александра Дмитриевича, в зарядке на берегу озера.

Когда я в своей книге "Апостолы атомного века" цитировал Е. Н. Аврорина: "...Вообще-то на руководителей Челябинску-70 повезло. У нас не было высокопарных людей, руководители жили в коллективе. Много внимания уделялось образованию, воспитанию сотрудников – атмосфера работы творческая, интересная...", то всей душой соглашался с ним, имея для себя ввиду, прежде всего Александра Дмитриевича, так как непосредственно с ним работал два года. Был свидетелем внедряемой им философии: творчество, надежность, безопасность. Если использовать терминологию "апостолов", Александр Дмитриевич, несомненно, является равноапостольским чином».

ВОЛОШИН Николай Павлович –
помощник директора РФЯЦ-ВНИИТФ,
доктор техн. наук, профессор